

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Антохин Е.Н. Влияние диаспор на регулирование миграционных процессов: зарубежный опыт // Социодинамика. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.9.76476 EDN: HCMSMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76476

Влияние диаспор на регулирование миграционных процессов: зарубежный опыт

Антохин Егор Николаевич

ORCID: 0009-0007-0971-9344

аспирант, кафедра общественных связей и медиаполитики; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 84

✉ egorantyuhin@mail.ru

[Статья из рубрики "Миграция и адаптация"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.9.76476

EDN:

HCMSMC

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2025

Дата публикации:

29-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является системный анализ роли диаспоральных сообществ как активных субъектов формирования и реализации миграционной политики в транснациональном пространстве. В фокусе внимания находятся институциональные механизмы, сетевые ресурсы и стратегии влияния диаспор на миграционное регулирование в различных политико-правовых контекстах. На материале сравнительного анализа стран с устоявшимися иммиграционными режимами (США, Канада), наднационального образования (Европейский союз) и стран исхода миграции (Китай, Индия) исследуются формы диаспорального участия – от политического лоббирования и экспертного сопровождения до реализации программ интеграции и развития. Особое внимание уделяется анализу двунаправленной природы диаспорального влияния: с одной стороны, как акторов, воздействующих на

миграционную повестку принимающих государств, с другой – как стратегических партнёров стран происхождения в вопросах национального развития и мягкой силы. В основе работы лежит междисциплинарный теоретико-аналитический подход, интегрирующий концепции социологии миграции, транснациональных исследований и теории социального капитала. Основным методом выступает сравнительный качественный анализ кейсов, отобранных по принципу максимального контраста и теоретической репрезентативности. Анализ построен на вторичных данных, включая академические публикации, официальные документы и международные отчеты по миграции. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе и систематизации роли диаспор как самостоятельных акторов миграционного управления через призму концепций транснационального социального поля, диаспорного управления и социального капитала. В работе последовательно обосновывается переход к пониманию диаспор как полноценных политических субъектов, обладающих собственной агентностью и способных активно влиять на миграционную политику как стран пребывания, так и стран происхождения. Сравнительный анализ различных моделей взаимодействия государств и диаспоры позволил выявить универсальную тенденцию к признанию диаспор стратегическими партнерами в миграционном регулировании. Ключевой вывод исследования состоит в том, что современное миграционное управление приобретает все более многоакторный и транснациональный характер, где диаспоры выполняют критически важные функции по снижению транзакционных издержек миграции, лоббированию интересов мигрантов, формированию общественной повестки и посредничеству между различными уровнями власти. Их ресурсы в виде социального капитала, сетевых структур и транснациональных связей становятся значимым фактором формирования миграционной политики.

Ключевые слова:

диаспоры, миграционное управление, транснационализм, социальный капитал, диаспорное управление, сравнительный анализ, государствоцентризм, миграционная политика, миграционные процессы, агентность диаспор

Введение

Современные миграционные процессы характеризуются беспрецедентной сложностью, транснациональной глубиной и политической чувствительностью. В условиях глобальной мобильности, ускоренной цифровизацией, климатическими вызовами и геополитической нестабильностью миграция перестала быть исключительно вопросом пограничного контроля или демографической компенсации. Она превратилась в многоуровневое социальное явление, в котором переплетаются экономические, культурные и правовые измерения [1]. В этом контексте всё более очевидным становится недостаточность традиционных государствоцентрических моделей миграционного управления, в которых мигранты рассматриваются как пассивные объекты административного регулирования. Подобные парадигмы всё чаще подвергаются ревизии в пользу концепций, признающих агентность самих мигрантских сообществ [2].

В этом поле диаспоры – устойчивые транснациональные сообщества, сохраняющие коллективную идентичность и связь с исторической родиной – становятся ключевыми акторами новой архитектуры миграционного управления [3]. Несмотря на растущий интерес академического сообщества к их роли, непосредственное влияние диаспор на

формирование и реализацию миграционной политики остаётся недостаточно систематизированным. Большинство исследований фокусируются либо на их участии во внешней политике, либо на вопросах интеграции, оставляя в тени их регулятивный потенциал.

Цель данной статьи — систематизировать и проанализировать зарубежный опыт влияния диаспор на формирование и реализацию миграционной политики. В исследовании рассматриваются США и Канада как страны с долгой историей иммиграции и институционализированным мультикультурализмом; Европейский союз как наднациональное образование с фрагментированной, но всё более координируемой миграционной политикой; а также Индия и Китай — крупнейшие страны-доноры миграции, которые в последние десятилетия активно инструментализируют свои диаспоры в интересах национального развития и глобального влияния. Такой выбор кейсов позволяет выявить как асимметрии, так и конвергенции в диаспорных стратегиях и государственных ответах, а также проанализировать двустороннюю природу диаспорного влияния: с одной стороны — как лоббистов в принимающих обществах, с другой — как стратегических партнёров государств происхождения.

Центральный тезис статьи заключается в том, что диаспоры следует рассматривать не как маргинальных или вспомогательных акторов, а как полноценных участников миграционного управления, обладающих ресурсами, сетями и легитимностью для формирования общественной повестки, снижения транзакционных издержек миграции и посредничества между различными уровнями власти. Признание этой роли требует переосмыслиния как теоретических рамок миграционных исследований, так и практических подходов к разработке миграционной политики.

Методология исследования

Исследование опирается на междисциплинарный теоретико-аналитический подход, интегрирующий ключевые концепции современной социологии миграции, транснациональных исследований и теории социального капитала. Центральной эпистемологической установкой выступает отказ от государствоцентричной парадигмы миграционного регулирования в пользу аналитики агентности диаспор как автономных транснациональных акторов. В качестве основного теоретического аппарата используются концепции транснационального социального поля [4], диаспорного управления [5] и социального капитала в его дуальной модальности — связующего и мостового [6]. Эти концепты позволяют системно описать механизмы, посредством которых диаспоры влияют на формирование и реализацию миграционной политики как в странах пребывания, так и в странах происхождения.

Методологически исследование реализуется через сравнительный качественный анализ кейсов, отобранных по принципу максимального контраста и теоретической репрезентативности. В выборку включены США и Канада как страны с либеральными, институционализированными иммиграционными режимами и высокой степенью политической вовлечённости диаспор; Европейский союз как наднациональное образование с фрагментированной, но координируемой миграционной политикой; а также Индия и Китай как крупнейшие страны-доноры миграции, активно инструментализирующие диаспоры в интересах национального развития. Такой дизайн позволяет выявить как институционально обусловленные различия в формах диаспорного влияния, так и общие тенденции, связанные с транснационализацией

миграционного управления. Анализ опирается на вторичные источники — академические публикации, официальные документы государственных и надгосударственных институтов, а также эмпирические оценки, представленные в международных отчётах по миграции. Особое внимание уделяется реконструкции двусторонней природы диаспорного участия: с одной стороны — как лоббистов и посредников в принимающих обществах, с другой — как стратегических партнёров государств происхождения. Такой подход обеспечивает целостное понимание диаспор не как пассивных объектов политики, а как субъектов, активно формирующих миграционный порядок на глобальном уровне.

Теоретические основы: диаспора как актор миграционного управления

Современная социология миграции всё более настойчиво отказывается от устаревшей модели, в которой мигранты рассматриваются как пассивные объекты административного контроля. На смену ей приходит парадигма агентности, признающая способность мигрантских сообществ не только адаптироваться, но и активно формировать политические, экономические и культурные условия как в странах пребывания, так и в странах происхождения. В этом контексте диаспоры выступают не просто как этнические общности, а как структурированные транснациональные акторы, обладающие ресурсами для влияния на миграционное регулирование.

Понятие «диаспора» претерпело значительную эволюцию. Если изначально оно ассоциировалось с принудительным рассеянием (например, еврейской или армянской диаспорами), то сегодня охватывает и добровольные миграционные сообщества, сохраняющие «коллективную идентичность, мифы и воспоминания о прошлом, а также солидарность с соотечественниками» [\[7, с. 11\]](#). Габриэль Шеффер подчёркивает, что современные этнонациональные диаспоры — это «группы, которые поддерживают устойчивые связи с родиной и стремятся сохранить свою идентичность в принимающих обществах» [\[7, с. 3\]](#). Эта двойная вложенность позволяет им функционировать в рамках так называемой «модели треугольника» (страна происхождения — диаспора — страна пребывания), выступая не посредниками, а автономными узлами влияния.

Центральным ресурсом диаспор является социальный капитал — «особенности социальной организации, такие как сети, нормы и доверие, которые способствуют координации действий и сотрудничеству для взаимной выгоды» [\[6, с. 19\]](#). Роберт Патнэм различает два типа социального капитала: связующий (bonding), который «объединяет однородные группы» (например, этнические общины), и мостовой (bridging), который «связывает разнородные социальные группы» [\[6, с. 22\]](#). Как метафорически выразился сам Патнэм, «связующий социальный капитал — это своего рода социологический суперклей, тогда как мостовой — социологический WD-40» [\[6, с. 23\]](#). Диаспоры в первую очередь накапливают связующий капитал, который затем может быть стратегически мобилизован для лоббирования, мобилизации и экспертного влияния.

Особую роль в снижении барьеров миграции играют миграционные цепочки — самовоспроизводящиеся сети, через которые информация, ресурсы и социальные нормы передаются от уже осевших мигрантов к новым. Как отмечают Дуглас Мэсси и его

коллеги, «миграция порождает дальнейшую миграцию через механизмы кумулятивной каузации» [\[8\]](#). Эти цепочки снижают транзакционные издержки для новых мигрантов и создают устойчивые потоки, что делает диаспоры мощным «притягивающим» фактором. Согласно эмпирическим оценкам Международной организации по миграции (ИОМ), каждые 10 000 членов диаспоры в стране пребывания ежегодно привлекают около 1200 новых мигрантов.

Агнеска Вейнар предлагает рассматривать диаспоры как акторов миграционной политики в строгом аналитическом смысле. По её мнению, государства всё чаще «инструментализируют диаспоры», стремясь использовать их потенциал для достижения целей в области развития, безопасности и внешней политики [\[9\]](#). Однако эта инструментализация работает и в обратную сторону: диаспоры сами становятся субъектами, способными «формировать повестку, влиять на законодательство и участвовать в разработке программ».

Алан Гэмлен развивает эту мысль, вводя понятие диаспорного управления (*diaspora governance*). Он показывает, что «институты, созданные для взаимодействия с диаспорами (министерства, советы, фонды), становятся всё более распространённым явлением в государственном управлении» [\[10, с. 182\]](#). Эти институты не просто признают существование диаспор, но формализуют их роль как партнёров в миграционном управлении. Гэмлен подчёркивает, что «диаспорное управление — это не только политика в отношении диаспор, но и политика с участием диаспор» [\[10, с. 210\]](#).

Таким образом, диаспоры следует рассматривать не как маргинальные или вспомогательные субъекты, а как полноправных участников миграционного порядка, обладающих ресурсами, сетями и легитимностью для влияния на политику на всех уровнях — от локального до глобального. Их агентность проявляется через лоббирование, экспертное сопровождение и институциональное партнёрство, что требует от исследователей и политиков нового понимания миграционного управления как многоакторного и транснационального процесса.

Диаспоры и миграционная политика в зарубежных странах

США

Соединённые Штаты представляют собой классический пример либеральной иммиграционной модели, в которой диаспоры играют значительную роль как в формировании внешней политики, так и в регулировании внутренней миграционной повестки. Американская политическая система, основанная на лоббистской активности и выборных механизмах, создаёт благоприятные условия для диаспорного влияния [\[11\]](#).

Армянская диаспора, например, на протяжении десятилетий эффективно лоббировала

признание геноцида армян Конгрессом США, что не только повлияло на двусторонние отношения с Турцией, но и создало прецедент для гуманитарных миграционных исключений для граждан Армении [\[12\]](#). Китайская диаспора, благодаря своей экономической мощи и высокой степени организованности, участвует в формировании торгово-политических отношений между США и Китаем, что напрямую отражается на визовых и иммиграционных правилах для китайских граждан.

Особое значение имеет участие латиноамериканских диаспор в дебатах вокруг иммиграционной реформы. Мексиканская диаспора, являющаяся крупнейшей в США, активно выступает за легализацию нелегальных мигрантов и расширение прав трудящихся-мигрантов. Её социальный капитал, накопленный через этнические сети и религиозные организации, позволяет эффективно мобилизовывать массовую поддержку и влиять на законодательные инициативы на уровне штатов и федерального центра.

Канада

Канадская модель отличается институционализированным мультикультурализмом и ориентацией на привлечение высококвалифицированных мигрантов. Здесь диаспоры рассматриваются не только как объекты интеграционной политики, но и как стратегические партнёры в решении демографических и экономических вызовов, связанных со старением населения и дефицитом рабочей силы [\[13\]](#).

Индийская диасpora в Канаде — одна из самых крупных и социально мобильных — оказывает значительное влияние на формирование внешней политики страны в отношении Южной Азии. Её представители активно участвуют в консультативных советах при правительстве, а также в разработке программ по трудовой миграции и признанию иностранных квалификаций [\[14\]](#). Аналогичным образом китайская диаспора, особенно в провинциях Британская Колумбия и Онтарио, участвует в формировании двусторонних экономических связей, что влияет на миграционные потоки и условия для временных работников и инвесторов.

Канадское государство официально признаёт диаспоры как равноправных участников миграционного управления. Программы поселения, языковой интеграции и поддержки предпринимательства часто разрабатываются с учётом рекомендаций диаспорных организаций, что способствует как успешной интеграции, так и сохранению транснациональных связей.

Европейский союз

Миграционная политика Европейского союза (ЕС) представляет собой сложный наднациональный механизм, где влияние диаспор проявляется на нескольких уровнях: национальном, региональном и институциональном. В отличие от США и Канады, где

диаспорное влияние носит прямой лоббистский характер, в ЕС оно чаще опосредовано через программы развития, интеграции и гуманитарной помощи [\[15\]](#).

С начала 2010-х годов Европейская комиссия всё чаще вовлекает диаспорные организации в реализацию политики по интеграции мигрантов и содействию развитию стран происхождения. Европейский глобальный диаспорный фонд (EUDiF), созданный в 2019 году, служит платформой для координации усилий государств-членов и диаспор в достижении Целей устойчивого развития. В этом контексте диаспоры рассматриваются преимущественно как партнёры в рамках развития, а не как независимые политические акторы.

Тем не менее, в условиях кризисов диаспоры демонстрируют высокую степень мобилизации. Например, украинская диасpora в Польше, Германии и других странах ЕС сыграла ключевую роль в лоббировании предоставления временной защиты и упрощения процедур для беженцев в 2022 году. Диаспорные активисты участвовали в парламентских слушаниях, формировали общественное мнение и оказывали давление на национальные правительства через транснациональные сети.

Однако подходы стран-членов к диаспорам остаются неоднородными. В то время как Германия и Франция развивают инклюзивные модели взаимодействия, Венгрия и Польша сохраняют этатистский подход, ограничивая роль диаспор в миграционном управлении. Эта фрагментация затрудняет выработку единой стратегии на уровне всего Союза, но одновременно создаёт условия для экспериментов с новыми формами диаспорного партнёрства.

Китай

Китайская модель диаспорного управления характеризуется высокой степенью государственного контроля и стратегической проактивностью. С 1970-х годов китайское правительство последовательно развивало институциональную инфраструктуру для взаимодействия с диаспорой, включая специализированные департаменты при Министерстве иностранных дел и Всеобщую ассоциацию китайцев за рубежом [\[16\]](#). В эпоху Си Цзиньпина эта политика стала ещё более изощрённой, сочетая элементы «мягкой силы» с целенаправленной мобилизацией диаспоры в поддержку глобальных амбиций Китая [\[17\]](#).

Миграционная политика КНР направлена на поощрение «мозгового обратного оттока» — возвращения высококвалифицированных специалистов через программы вроде «Тысячи талантов» — и поддержание лояльности тех, кто остаётся за рубежом. Диаспора рассматривается как источник инвестиций, технологий и культурного влияния, а её транснациональные сети интегрируются в национальные стратегии развития [\[18\]](#).

Индия

Индия долгое время отставала от Китая в системном подходе к диаспоре, однако с начала 2000-х годов ситуация кардинально изменилась. Создание Министерства по делам диаспоры (2004–2016) и внедрение программ вроде «Паспорта для лиц индийского происхождения» (PIO) и «Зарегистрированного гражданина Индии» (OCI) позволили укрепить институциональные связи с диаспорой [19]. Сегодня индийская диаспора является крупнейшим источником денежных переводов в мире и играет ключевую роль в международной торговле и инвестициях.

Тем не менее, индийская политика остаётся менее централизованной и стратегически согласованной по сравнению с китайской. Отсутствие единой координационной структуры после упразднения министерства привело к фрагментации усилий между различными ведомствами. Тем не менее, обе страны демонстрируют, как диаспоры могут быть интегрированы в национальную стратегию развития и управления миграцией.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что формы и механизмы влияния диаспор на миграционное регулирование глубоко укоренены в институциональных, политических и исторических контекстах конкретных стран. В либеральных иммиграционных режимах, таких как США и Канада, диаспоры действуют преимущественно как независимые политические акторы, используя лоббистские и избирательные каналы для продвижения интересов своих сообществ. В наднациональном пространстве Европейского союза их роль оказывается более опосредованной, но при этом институционализированной через программы развития и кризисного реагирования. В странах происхождения — Индии и Китае — диаспоры становятся объектом целенаправленной государственной политики, превращаясь в инструмент национального развития и внешнеполитического влияния. Несмотря на различия в стратегиях, во всех рассмотренных случаях наблюдается устойчивая тенденция к признанию диаспор не как пассивных мигрантов, а как активных участников транснационального миграционного управления.

Заключение

Проведённый анализ зарубежного опыта убедительно свидетельствует о том, что диаспоры являются важными и влиятельными акторами в сфере регулирования миграционных процессов. Их роль выходит далеко за рамки пассивного приспособления к новым условиям и заключается в активном участии в формировании политики на всех уровнях — от локального до глобального.

В странах пребывания, таких как США и Канада, диаспоры влияют на миграционное законодательство через лоббирование и участие в политической жизни, способствуя созданию более инклюзивных и гибких миграционных режимов. В Европейском союзе их роль более опосредована, но не менее значима, особенно в контексте программ

интеграции и реагирования на миграционные кризисы. В странах происхождения, как показывают примеры Индии и Китая, диаспоры становятся стратегическим ресурсом для национального развития, а миграционная политика трансформируется в инструмент для поддержания и усиления транснациональных связей.

Таким образом, современное миграционное управление невозможно без учёта интересов и потенциала диаспор. Их вовлечение позволяет создавать более эффективные, гуманные и устойчивые миграционные системы, которые отвечают интересам как принимающих, так и отправляющих стран.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно способствует дальнейшей децентрализации миграционных теорий, смещающая акцент с государства как единственного субъекта регулирования на многоакторную природу миграционного управления. Статья развивает концепции транснационализма, диаспорной политики и социального капитала, интегрируя их в единую аналитическую рамку, позволяющую системно описывать механизмы влияния диаспор. Предложенный подход к диаспоре как к автономному политическому актору, обладающему агентностью и институциональной легитимностью, расширяет понимание миграционных процессов как двунаправленных и сетевых, а не линейных и государствоцентрических.

Практическая значимость работы состоит в выработке рекомендаций для разработчиков миграционной политики. Результаты исследования демонстрируют, что институционализация диалога с диаспорами — через консультативные советы, партнёрские программы и совместные инициативы — повышает эффективность миграционного регулирования, снижает социальную напряжённость и способствует устойчивому развитию как в странах происхождения, так и в странах пребывания. Особенно актуальным это становится в условиях глобальных кризисов, когда диаспоры выступают ключевыми посредниками в гуманитарных и интеграционных процессах. Опыт стран с различными моделями взаимодействия с диаспорами может быть адаптирован с учётом национального контекста, что открывает возможности для трансфера лучших практик в рамках международного сотрудничества.

Будущие исследования должны быть направлены на дальнейшую детализацию механизмов диаспорного влияния, включая количественные оценки их лоббистской эффективности, анализ цифровой активности диаспор и изучение роли второго и третьего поколений мигрантов в поддержании транснациональных связей. Только комплексный и междисциплинарный подход позволит в полной мере раскрыть потенциал диаспор как субъектов современного миграционного порядка.

Библиография

1. Faist T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Oxford University Press, 2000. 396 p.
2. Wibben A. T. R. Migrant Agency as Challenge to State-Centrism in Security Studies // International Studies Review. 2018. Vol. 20, No. 1. P. 164-166.
3. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28, No. 1. P. 1-19.

4. Levitt P., Glick Schiller N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // International Migration Review. 2004. Vol. 38, No. 3. P. 1002-1039.
5. Gamlen A. Diaspora institutions and diaspora governance // International Migration Review. 2014. Vol. 48, No. 1. P. 180-217.
6. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
7. Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 290 p.
8. Massey D. S., Arango J., Hugo G. et al. Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, No. 3. P. 431-466.
9. Weinar A. Instrumentalising Diasporas for Development: International and European Policy Discourses // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / Ed. by R. Bauböck, T. Faist. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 73-89.
10. Gamlen A. Diaspora Institutions and Diaspora Governance // International Migration Review. 2014. Vol. 48, No. 1. P. 180-217.
11. Vertovec S. Transnationalism. London; New York: Routledge, 2009. 205 p.
12. Антюхин Е.Н. Институциональная роль диаспор в миграционной системе на примере армянской диаспоры в США и Российской Федерации // Социодинамика. 2025. № 8. С. 21-35. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.8.75796 EDN: ZWICQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75796
13. Reitz J. G., Banerjee R. Racial Inequality, Social Cohesion, and Policy Issues in Canada // Belonging? Diversity, Recognition and Shared Citizenship in Canada / Ed. by K. Banting, T. J. Courchene, F. L. Seidle. Montreal: Institute for Research on Public Policy, 2007. P. 489-545.
14. Kapur D. Diaspora, Development, and Democracy: The Domestic Impact of International Migration from India. Princeton: Princeton University Press, 2010. 336 p.
15. Molodikova I., Lialina A., Emelyanova L. Contacts with Diasporas and Diaspora Organisations as a Key to a Successful Migrant Integration Policy in the EU // Baltic Region. 2018. Vol. 10, No. 4. P. 58-79. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-4
16. Pieke F. N., Nyíri P., Thunø M., Ceccagno A. Transnational Chinese: Fujianese Migrants in Europe. Stanford: Stanford University Press, 2004. 272 p.
17. Shinn D. H., Eisenman J. China and Africa: A Century of Engagement. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 544 p. EDN: URNJCN
18. Zweig D., Fung C. S., Han D. Redefining the Brain Drain: China's 'Diaspora Option' // Science, Technology & Society. 2008. Vol. 13, No. 1. P. 1-33. DOI: 10.1177/097172180701300101 EDN: JTTHCX
19. Тонян А. А. Диаспора как инструмент публичной дипломатии Индии // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 86-96. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-86-96 EDN: CIVMBD

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора